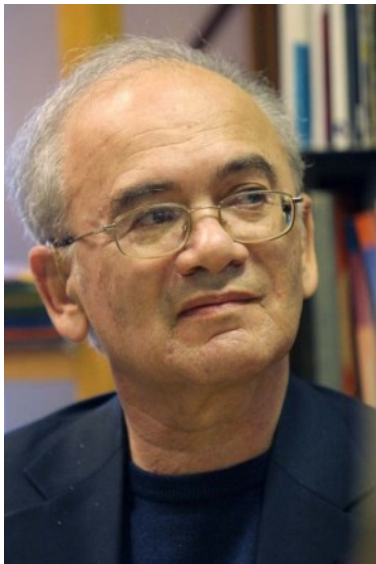

...

Ко мне он не сходил с Синайской высоты,
И снизу я к нему не поднимался в гору.
Он говорил: смотри, я буду там, где ты
За письменным столом сидишь, откинув штору.
И он со мною был, и он смотрел на сад,
Клубящийся в окне, не говоря ни слова.
И я ему сказал, что он не виноват
Ни в чем, что жизнь сама угрюма и сурова.

Но в солнечных лучах меняется она --
И взгляд не отвести от ясеновой кроны,
Что в мире есть любовь, что в море есть волна,
Мне нравятся ее накаты и наклоны.

Еще я говорил, что страшен меч и мор,
Что ужаса и зла не заслонят листочки,
Но радуют стихи и тихий разговор,
Что вместе люди злы, добры -- поодиночке,

Что чудом может стать простой стакан воды,
Что есть любимый труд и сладко пахнет липа,
Что вечно жить нельзя, что счастье без беды
Сплошным не может быть, и он сказал: спасибо

...

* * *

К испытаниям душа не готова
Ни в семнадцать, ни в семьдесят лет.
Ей бы радости снова и снова
И наглядных весенних примет!
Чтобы облако было пунцово
Или розово, — влага и свет.

Словно прежде, чем жизнью земною
Заболеть, побывала в раю,
И сравнение с нездешней весною
Ей в земном затрудняет краю
Жизнь, с печалью её и бедою, —
Не справляюсь, томлюсь, устаю.

* * *

Я у окна стою в недоуменье,

Вечерней тенью залит и уныл.

Как будто день сказать хотел осенний

О чём-то мне под вечер – и забыл.

Осенний день, предзимние заботы,

Предсмертный шорох гибнущей листвы.

Как будто слой фальшивой позолоты

Закрасил жизни трещины и швы.

Как облака над городом нависли,

Какой сквозь них слепящий льётся свет!

Скажи, Вильгельм, в другой, нездешней жизни

Бывает так же грустно или нет?

Источник: <http://magazines.russ.ru/znamia/2015/6/1kush.html>